

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-11-19002).

Статья посвящена военнопленным 5-й польской стрелковой дивизии, принимавшим участие в Гражданской войне на стороне Колчака. Рассматривается реализация курса советского правительства в отношении пленных, находившихся на юге Енисейской губернии в ожидании репатриации в Польшу. Он предусматривал формирование лояльного отношения военнопленных к советской власти; выявление и устранение противников режима большевиков. Для советской власти военнопленные представляли интерес как трудовой ресурс, необходимый для восстановления разрушенного хозяйства.

Ключевые слова: Гражданская война; 5-я польская стрелковая дивизия; военнопленные.

В Гражданской войне в России принимали участие иностранные легионеры – итальянцы, венгры, сербы и др. В Сибири одним из самых крупных легионов была 5-я польская стрелковая дивизия. Дивизия сформировалась весной 1919 г. и подчинялась командованию государств Антанты. В декабре 1919 г. ее численность составляла 12 700 офицеров и солдат. В задачи дивизии входила охрана железной дороги в районе Новониколаевска. В январе 1920 г. польская дивизия, прикрывавшая отступление иностранных войск на восток, попала в окружение «красных» под Красноярском и капитулировала (около 11 000 человек) [1. С. 88, 89]. В феврале 1920 г. в лагере под Красноярском содержалось 8 000 военнопленных [2. С. 45].

Для советского правительства решение вопроса о судьбе польских пленных было «делом мирового значения». После окончания советско-польской войны предстоял обмен пленными и, в случае налаженной пропаганды и улучшения содержания пленных, в их среде можно было найти агентов советской власти на родине. Изучение положения польских пленных позволяет охарактеризовать политику большевистского режима в отношении участников «белого движения».

Проблема пребывания в плену польских легионеров в Сибири освещалась в широком контексте истории Гражданской войны. В работах отечественных и польских исследователей рассматривались этапы формирования и источники комплектования дивизии, ее участие в «белом движении» и взаимодействие с армией Колчака, обстоятельства капитуляции [3, 4]. Отмечается различное видение миссии дивизии в России участниками военного формирования (от нейтралитета до активной борьбы с «красными»), обусловленное его неоднородным социальным составом [5, 6]. Тема получила освещение в одной из глав докторской диссертации В. Масяжа [7]. Опираясь на материалы статистики, автор рассмотрел процесс репатриации пленных поляков на родину после заключения Рижского мира. Работа В. Масяжа до настоящего времени не утратила значимости, но пребывание в плену военнослужащих 5-й дивизии представлено как один из фрагментов в истории польской диаспоры в Сибири.

Общая характеристика курса советского правительства в отношении польских пленных в 1920–1922 гг. дается в статье И.И. Костюшко [2]. Автор отмечает, что в этот период были созданы отдельные лагеря для «сибиряков» (пленных 5-й польской дивизии) и «западни-

ков» – пленных советско-польской войны. Реализация политики большевиков (условия содержания в лагерях, использование на работах и др.) рассмотрена на примере «западников», о «сибиряках» встречается лишь несколько упоминаний [2]. Пребывание в плену польских легионеров затрагивается в работах историков из Торуньского университета [8, 9]. Исследователи опираются на мемуары участников событий, а также нормативно-правовые акты Польской военной миссии в Сибири, рапорты командиров, показания и регистрационные карточки польских офицеров и солдат [8]. Основная масса перечисленных источников появилась после завершения «сибирской эпопеи» дивизии и не позволяет во всей полноте отобразить картину жизни пленных.

В целом выводы исследователей сводятся к следующему: после капитуляции под Красноярском польские легионеры оказались в крайне тяжелых условиях, что было вызвано не только репрессивным курсом советского правительства в отношении участников «белого движения», но и сложностью исторического момента (экономическая разруха, эпидемия тифа и пр.). Остается не изученным ряд вопросов, в их числе социальное и правовое положение пленных и судьба тех, кто остался в Советской России после завершения процесса репатриации.

В представленной статье будут рассмотрены некоторые аспекты реализации курса советского правительства в отношении польских пленных на примере военнопленных, находившихся в Енисейской губернии в ожидании репатриации на родину. Исследование опиралось на метод социологического анализа и биографический метод. Изучение биографий позволило реконструировать сценарии поведения пленных в контексте исторической ситуации, а применение количественных методов – выделить социальные тенденции, которые влияли на их судьбу. В качестве источников исследования послужили регистрационные карточки и именные списки польских пленных [10]; делопроизводственная документация органов советской власти об использовании труда пленных на предприятиях Минусинского уезда [11].

Состав 5-й польской дивизии комплектовался из военнопленных австро-венгерской и германской армий и уроженцев Российской империи при численном доминировании первых. После восстановления суверенитета Польши «австрияки» и «германцы» потеряли интерес к событиям в России и не желали воевать за чужие инте-

рессы [1. С. 90]. В составе дивизии находились не только этнические поляки, но также русские, белорусы и украинцы, получившие польское гражданство или происходившие из российских губерний, некогда входивших в состав Речи Посполитой. Уроженец г. Замброва Ломжинской губ. Иван Левушкин вступил в уланский полк 5-й дивизии после получения в 1919 г. польского гражданства. Служивший в дивизии в звании штабс-капитана и исполнявший обязанности адъютанта белорус Иосиф Ляковский был родом из Минской губернии, а бывший полковник Василий Кониченко – из Варшавы [12. Л. 3 об., 14 об.]. Бывший майор Николай Шмелев родился и получил военное образование в г. Седльце [13. Л. 19–21].

Среди группы «россиян», служивших в 5-й дивизии, не сформировалась солидарная позиция по вопросу об участии в Гражданской войне. Одни связывали свою судьбу с независимой Польшей и были сторонниками нейтралитета. Другие (в основном офицеры бывшей царской армии, дворяне и представители интеллигенции) идентифицировали себя с Россией, ненавидели большевиков и выступали за участие в Гражданской войне на стороне Колчака. Не было единства и среди офицеров высшего командного состава. Глава штаба польского войска в Сибири В. Чума ставил задачу сохранить дивизию для защиты интересов Польши на западном фронте. Командир 5-й дивизии К. Румша (родился в России и служил в царской армии) был убежденным противником режима большевиков. В начале января 1920 г. на военном совете у ст. Клюквенная полковники Румша и Лихтарович предлагали пробиваться через окружение «красных», в то время как В. Чума, поддержанный большинством офицеров, принял решение о капитуляции дивизии. Противостояние между офицерами было настолько острым, что В. Чума приказал арестовать Румшу и Лихтаровича [14. С. 45, 46]. Встречались среди участников военного формирования и сторонники советской власти. Их симпатии поддерживались усилиями внедренных в дивизию большевистских агентов. Известны случаи расстрелов в 1919 г. солдат дивизии за участие в большевистских организациях [1. С. 89].

Решая вопрос о судьбе польских пленных, советское правительство учитывало эти противоречия. Предусматривалось содержание пленных солдат отдельно от офицеров и представителей интеллигенции; выявление противников советской власти; проведение социалистической агитации среди пленных [2. С. 49, 50]. После капитуляции дивизии начались аресты офицеров и тех, кто мог представлять опасность для режима. Участник событий С. Богданович вспоминал, что в тот момент офицеры переодевались в форму рядовых и изменяли фамилии [14. С. 49]. Таким образом кому-то удалось избежать ареста. В 1921–1922 гг. на территории Минусинского уезда в группе польских пленных (всего 418 человек) находились 2 старших офицера (майор и полковник – 0,5%), 24 подпоручика и 1 штабс-капитан (5,98%). Основную массу пленных составили бывшие рядовые дивизии – 267 человек (63,87%) и унтер-офицеры – 33 человека (7,89%) [12. Л. 1–15]. Однако работа органов ЧК по выявлению «контрреволюционеров» продолжалась. Иногда это удавалось благодаря содействию самих пленных.

С. Богдановича выдал «красным» сослуживец Влодарчик со словами: «Вы, интеллигенция, затаскивали нас в войско, а теперь укрываетесь!» [14. С. 50].

Розыскная деятельность органов ЧК активизировалась в период советско-польской войны. Советские газеты освещали события на западном фронте в неблагоприятном для пленных свете. В газете «Известия» в статье от 30 сентября 1920 г. говорилось: «Мы уже знаем по опыту: нет, пожалуй, врага более мстительного, более коварного и более жестокого, чем польское дворянство. Мы видели: они уже сжигали целые города, превращали тысячи людей в обуглившиеся трупы, селы и деревни сравнивали с землей... превращали уезды в пустыню, наполненную трупным смрадом» [15. С. 3]. Биографические данные пленных позволяют установить, что вменялось в вину лицам, арестованным органами ЧК. Пленный А. Язвинский был привлечен к ответственности в июне 1920 г. за вербовку добровольцев в польский легион «для борьбы с Советской властью при Колчаковском правительстве». В декабре 1920 г. он был заключен в тюрьму, где исполнял обязанности бухгалтера. Бывшего рядового А. Рихтера арестовали в мае 1920 г. по обвинению в добровольной службе Колчаку (в 1919 г. состоял в Минусинской городской дружине). Решением Губернского ревтрибунала от 25 мая 1921 г. Рихтера был освобожден из под стражи и посажен под домашний арест [13. Л. 23–27, 67, 68]. Не удалось избежать наказания пленному И. Яницкому, который служил в Минусинской дружине самообороны и участвовал в репрессиях против «красных» партизан и крестьян. В декабре 1919 г. в с. Знаменка он агитировал убивать большевиков и жечь «красные» деревни. Яницкого опознал некий гражданин Пашкин, который ранее по его доносу был арестован и приговорен к 20 годам каторги за участие в восстании в Минусинском уезде. После освобождения Пашкин сообщил властям о деятельности Яницкого при прежнем режиме. В январе 1921 г. И. Яницкий был приговорен трибуналом к 10 годам лишения свободы [13. Л. 101].

Репрессии продолжались и после заключения советско-польского мирного договора. Пленный Анатолий-Николай Прорвич был арестован в апреле 1921 г. В Первую мировую войну он служил в царской армии. В ноябре 1919 г. вступил в 5-ю дивизию и по распоряжению К. Румши был причислен к бронепоезду «Познать-2». Прорвич избежал плена у ст. Клюквенная благодаря паспорту на имя Николая Сомова, поступил в Губземотдел (до войны он учился в сельскохозяйственном училище), откуда был командирован в Минусинский уезд инструктором по полеводству. После ареста Прорвич находился в минусинской тюрьме, но по причине плохого здоровья был переведен в городскую больницу, где находился под стражей. А. Прорвич был признан инвалидом вследствие «отсутствия у него левой руки до плеча, правосторонней грыжи, деформации костей левой стопы и укорочением левой конечности» и освобожден. В июне 1921 г. он ходатайствовал в Уэзак о включении его в список инвалидов «для эвакуации на родину в первую очередь» [Там же. Л. 55–57].

Репрессии в отношении польских пленных проводили с их стороны действия, которые трактовались как контрреволюционные. В апреле – июне 1920 г. в с. Торгашино под Красноярском была раскрыта контр-

революционная организация численностью до 100 человек, возглавляемая бывшим офицером армии Колчака М. Кавериним. В нее входили пленные русские и польские офицеры, а также солдаты, опасавшиеся преследования со стороны большевиков. В ходе расследования было установлено, что участники организации преследовали разные цели. В частности, некоторые польские пленные намеревались бежать в Монголию. В итоге 53 человека были расстреляны, а 29 направлены в концентрационный лагерь [16. С. 84–88].

Избежавшим репрессий пленным предстояло нести трудовую повинность. В августе 1920 г. по постановлению СТО пленных передавали в введение Главного управления принудительных работ и повинностей при НКВД [2. С. 50]. В Енисейской губернии пленные входили в состав трудовых бригад, которые направлялись на заготовки леса и на работу на промышленные предприятия. В Минусинском уезде пленные трудились на Черногорских и Изыхских копях и Абаканском заводе – в целом 287 человек из 418 (68,66%) [12. Л. 1–15]. Условия жизни в шахтерских поселках были тяжелыми. Нарастание объемов добычи угля требовало проведения дополнительных трудовых мобилизаций. В 1921 г. в Кузнецком угольном бассейне наступил жилищный кризис. Постановлением СТО от 1921 г. в рудничных поселках уменьшалась установленная жилищная норма на одного человека. Людей селили даже в непригодных для проживания строениях [17. Л. 20].

Пленные, занятые в сфере интеллектуального труда, жили в сравнительно хороших условиях. Среди них были лица, получившие до войны среднее и высшее образование и специальности, востребованные в условиях хозяйственной разрухи, – агрономы, врачи и др. Их трудоустраивали в советские учреждения и на предприятия, не взирая даже на дворянское происхождение. Дворянка Е. Лючинская, выполнявшая в 5-й дивизии обязанности фельдшера, работала в уздравотделе [12. Л. 11 об., 12]. Бывший подпоручик и дворянин С. Фашович работал лесничим на ст. Сон Ачинской железной дороги. Некоторые пленные считались ценными сотрудниками. В июле 1920 г. Союз кооператоров ходатайствовал об отсрочке от военной мобилизации для дворянина И. Ляковского, исполнявшего обязанности заведующего отделом козимасла в райотделе

Союза. В ходатайстве говорилось, что И. Ляковский «...является незаменимым работником <...> в случае его ухода со службы работы по молхозяйству могут совершенно приостановиться». «Особенно незаменимым» специалистом был признан агроном с. Бея – бывший поручик дивизии, дворянин А. Лаский» [18. Л. 32, 121, 263].

После заключения мира с Польшей в марте 1921 г. в соответствии с распоряжением Наркомата внутренних дел началась процедура регистрации военнопленных для репатриации на родину. Лицам, «состоявшим на службе в Польской и Колчаковской армии», следовало в 5-дневный срок явиться в Уэваки и волисполкомы с документами, устанавливающими национальность. В июне 1921 г. проводилась вторая регистрация. В приказе Управления Минусисполкома говорилось, что польским военнопленным следует зарегистрироваться в 3-дневный срок в отделе Принудработ. Поляки, желавшие получить гражданство РСФСР, должны были подать мотивированные ходатайства. Из текста приказа следует, что не все пленные желали вставать на учет, а некоторые пытались скрыть факт своего участия в 5-й польской дивизии. Таковым, «как явно укрывающимся», грозило заключение в концентрационный лагерь [17. Л. 92, 133]. Всего в Сибири правом репатриации воспользовались 5 572 военнопленных (вместе с членами семьи 7 779 человек) [7. С. 22].

Реализация политического курса советской власти в отношении польских пленных зависела от идеологических соображений (идея экспорта революции на запад и борьба с контрреволюцией) и потребностей экономического развития страны. Борьба с идеологическими противниками осуществлялась силами ЧК. Под особым подозрением находились бывшие офицеры и представители интеллигенции – бывшие подданные Российской империи, не успевшие получить польское гражданство. Корректировка политики в отношении пленных осуществлялась в соответствии с вызовами времени. Для скорейшего восстановления экономики требовались квалифицированные специалисты, которые были среди польских пленных. Осознание своей востребованности и идентификация с Россией повлияли на выбор тех пленных поляков, которые отказались от права репатриации и остались в Советской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Островский Л.К.* Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 88–92.
2. *Костюшко И.И.* К вопросу о польских пленниках 1920 г. // Славяноведение. 2000. № 3. С. 42–62.
3. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.
4. *Neja J.* Charakterystyka Środowiska V diwizji strzelców polskich na Syberii // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Wrocław, 1998. S. 277–284.
5. *Нам И.В.* Польские войска в Сибири // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Томск, 3–5 июня 2012 г.). Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2012. С. 43–57.
6. *Опаканская Р.В.* Пленные 5-й польской стрелковой дивизии в Минусинском уезде в начале 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 18–21.
7. *Масяж В.* Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1995. 32 с.
8. *Rezmer W.* Żołnierze polscy na Syberii 1918–1921. Materiały Źródłowe w Polsce // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Томск, 3–5 июня 2012 г.). Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2012. С. 57–68.
9. *Wiśniewski J.* Posłowie // Karta. Kwartalnik historyczny. № 44. 2005. S. 67–69.
10. *Минусинский городской архив:* Фонд Р-1. Минусинский уездный военный комиссариат. 1919–1925 гг. Оп. 1. Д. 37; 43 (Т. 1); Фонд Р-25. Исполком Минусинского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 3. Д. 9; 545; Оп. 2. Д. 58.
11. *Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив»:* Ф. 505. Управление Минусинского каменноугольного бассейна. Оп. 1. Д. 6; 7; 12; 14; 16; 21; 23; 25.
12. *Список военнопленных поляков Гражданской войны* // Минусинский городской архив. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545.

13. Регистрационные карточки и списки военнопленных поляков // Минусинский городской архив. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 9.
14. Bogdanowicz S. Ochotnik // Karta. Kwartalnik historyczny. № 44. 2005. S. 16–66.
15. Известия Тюменско-Тобольского губернского комитета РКПб и губернского исполнительного к-та р. к. и с. депутатов. 1920. № 222 // Научная библиотека Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Известия ВЦИК. 1918–1921 гг. Папка № 1.
16. Шекишев А.П. Поляки-военнослужащие Белой Армии в советском плену (Красноярск, 1920 г.) // Поляки в Приенисейском крае : сб. материалов минусинской науч.-практ. конф. и семинаров «Польская тема в работе архивов и музеев Хакасии и Красноярского края». 2003–2004 гг. Абакан, 2005. С. 84–88.
17. Приказы, циркуляры и распоряжения Минусинского уездного исполкома // Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Ф. 505. Оп. 1. Д. 14.
18. Документы по мобилизации бывших офицеров на действительную военную службу // Минусинский городской архив. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 37.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 мая 2014 г.

THE STATE OF POLISH PRISONERS OF WAR IN SIBERIA IN THE EARLY 1920S

Tomsk State University Journal. No. 384 (2014), 116–119. DOI: 10.17223/15617793/384/20

Oplakanskaya Renata V. N.F. Khatanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: roplakanska@mail.ru

Keywords: Civil War; Fifth Polish Rifle Division.

The article is devoted to the Polish prisoners of war who took part in the Civil War at the side of Kolchak in the Fifth Polish Rifle Division. The Division was formed in the spring of 1919 and was a member of the Army of the Entente states in Eastern Russia and in Western Siberia. During the evacuation of foreign troops to the East at the end of 1919, the Division was surrounded by the "Reds" near Krasnoyarsk and capitulated on January 10, 1920. About 11000 people were imprisoned by the Bolsheviks. These prisoners were expecting repatriation to Poland in the South of the Yenisei Province. The Soviet Government had to solve the following problems: formation of loyalty to the Soviet regime to export the revolution to the West; identification and elimination of the opponents of the Bolsheviks. They needed to consider the contradictions within the division that arose prior to the surrender. There were prisoners of the Austro-Hungarian and German armies and the former lieges of the Russian Empire in the division. After the restoration of the independence of Poland the "Austrians" and "Germans" lost their interest in the events in Russia and wanted to return to their homeland. There was also no unity among the "Russians". Some associated their life with independent Poland, and were supporters of neutrality in the Civil War. Others, especially the officers of the former Tsar's army, identified themselves with Russia and hated the Bolsheviks. The fight against ideological enemies was carried out by the Cheka. Under particular control were former officers and intellectuals. The arrested prisoners were charged with voluntary service for Kolchak, recruiting people for the Polish Legion, counter-revolutionary propaganda. The repression continued even after the conclusion of the Riga peace treaty between Poland and Soviet Russia. The prisoners of war were part of labour brigades in the Yenisei Province that were sent for logging and working at industrial enterprises. There were people among the captives who had secondary and higher education and were in demand in the condition of the economic collapse, those were specialists – agronomists, doctors and so on. They worked in Soviet institutions and enterprises, regardless even of their noble origin. After signing the Riga peace treaty the repatriation of Poles to their homeland started. About 5572 prisoners of war could go to Poland (the total of 7779 persons together with their family members).

REFERENCES

1. Ostrovski L.K. The Polish military in Siberia (1904–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2008, no. 316, pp. 88–92. (In Russian).
2. Kostyushko I.I. K voprosu o pol'skikh plennykh 1920 g. [On the question of the Polish prisoners in 1920]. *Slavyanovedenie*, 2000, no. 3, pp. 42–62.
3. Nam I.V. *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskoy perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historic turning (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2009. 496 p.
4. Neja J. *Charakterystyka Środowiska V diwizji strzelców polskich na Syberii*. In: *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego*. Wrocław, 1998, pp. 277–284.
5. Nam I.V. [Polish troops in Siberia]. *Polyaki v Sibiri. Polyaki o Sibiri: Materialy I Mezhd. nauch. konf.* [Poles to Siberia: Proc. of the First International Scientific Conference]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 43–57. (In Russian).
6. Oplakanskaya R.V. Captive soldiers of the Fifth Polish Rifle Division in the Minusinsk Uezd in the early 1920s. *Gumanitarnye Nauki v Sibiri*, 2013, no. 3, pp. 18–21. (In Russian).
7. Masyazh V. *Polyaki v Vostochnoy Sibiri (1907–1947 gg.)*. Avtoreferat dis. dokt. ist. nauk [Poles in Eastern Siberia (1907–1947). Abstract of History Dr. Diss.]. Irkutsk, 1995. 32 p.
8. Rezmer W. Żołnierze polscy na Syberii 1918–1921. Materiały Źródłowe w Polsce. *Polyaki v Sibiri. Polyaki o Sibiri: Materialy I Mezhd. nauch. konf.* [Poles to Siberia: Proc. of the First International Scientific Conference]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2012, pp. 57–68.
9. Wiśniewski J. Posłowie. *Karta. Kwartalnik historyczny*, 2005, no. 44, pp. 67–69.
10. Minusinsk City Archive. Fund R-1. Minusinsk Uezd Military Commissariat. 1919–1925. List 1. File 37; 43 (Vol. 1); Fund R-25 Executive Committee of Minusinsk Uezd Board of Workers, Peasants and Red Army Soldiers' Deputies. List 1. File 3. File 9; 545; List 2. File 58.
11. State public institutions of the Republic of Khakassia "National Archive". Fund 505 Management of Minusinsk coalfield. List 1. File 6; 7; 12; 14; 16; 21; 23; 25.
12. Minusinsk City Archive. Fund R-25 The list of Polish prisoners of war in the Civil War. List 1. File 545.
13. Minusinsk City Archive. Fund R-25 Registration cards and lists of Polish prisoners of war. List 1. File 9.
14. Bogdanowicz S. Ochotnik. *Karta. Kwartalnik historyczny*, 2005, no. 44, pp. 16–66.
15. *Izvestiya Tyumensko-Tobolskogo gubernskogo k-ta RKPB i gubernskogo ispolnitel'nogo k-ta r. k. i s. deputatov*. 1920. № 222 [Proceedings of the Tyumen-Tobolsk Province Committee of the RCPB and provincial executive committee of workers, peasants and soldiers' deputies], 1920, no. 222. Research Library of Minusinsk Museum of Ethnography n.a. N.M. Martyanov. *Izvestia VTsIK*, 1918–1921. Folder no. 1.
16. Sheksheev A.P. [White Army Polish soldiers in Soviet captivity (Krasnoyarsk, 1920)]. *Polyaki v Prieniseyskom krae. Sb. materialov minusinskoy nauch.-praktich. konf. i seminarov "Pol'skaya tema v rabote arkhivov i muzeev Khakasii i Krasnoyarskogo kraya"* [Poles in the Yenisei region. Proc. of Minusinsk Scientific Practical Conference and Seminars "The Polish issue in the work of archives and museums of Khakassia and Krasnoyarsk Krai"]. Abakan, 2005, pp. 84–88. (In Russian).
17. State public institutions of the Republic of Khakassia "National Archive". Fund 505 Decrees, circulars and orders of Minusinsk Uezd Executive Committee. List 1. File 14.
18. Minusinsk City Archive. Fund R-1 Documents on mobilization of former officers on active duty. List 1. File 37.

Received: 20 May 2014